

На правах рукописи

Меерович Марк Григорьевич

**ОТ ГОРОДОВ-САДОВ К СОЦГОРОДАМ:
ОСНОВНЫЕ АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЕ
КОНЦЕПЦИИ В СССР
(1917- первая половина 1930-х гг.)**

05.23.20 – Теория и история архитектуры, реставрация
и реконструкция историко-архитектурного наследия

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора архитектуры

Москва – 2015

РАБОТА ВЫПОЛНЕНА В ФИЛИАЛЕ ФГБУ «ЦНИИП МИНСТРОЯ РОССИИ»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ИНСТИТУТЕ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДО-
СТРОИТЕЛЬСТВА

Научный консультант
Косенкова Юлия Леонидовна
доктор архитектуры, старший научный сотрудник

Официальные оппоненты:
Лежава Илья Георгиевич
доктор архитектуры, профессор, ФГБОУ ВПО «Московский архитектурный институт (государственная академия)», профессор кафедры градостроительства

Вайтенс Андрей Георгиевич
доктор архитектуры, доцент, ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет», заведующий кафедрой градостроительства

Сапрыкина Наталья Сергеевна
доктор архитектуры, доцент, ООВО (ЧУ) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)», заведующая кафедрой градостроительства

Ведущая организация
ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный технический университет имени И.И. Ползунова»

Защита состоится « » апреля 2016 г. в 10-00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.162.07 на базе ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет» по адресу: 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, 65, корпус 5, аудитория 202.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет» и на сайте www.nngasu.ru.

Автореферат разослан « » февраля 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат архитектуры

Н.А. Гоголева

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Советский период формирования отечественной архитектуры и градостроительства исследован настолько плотно, что, казалось бы, уже не содержит крупных неизученных фрагментов. Один лишь фундаментальный труд С.О. Хан-Магомедова (Архитектура советского авангарда: В 2 кн. М. 1999, 2001) дает настолько подробное описание череды возникновения теоретических идей и реалий архитектурного проектирования, что представляется абсолютно исчерпывающим. Но, несмотря на серьезную изученность, многие явления до сих пор не имеют объяснения причин своего происхождения, а некоторые, на первый взгляд совершенно понятные события, вдруг, при изучении новых данных (а иногда и при внимательном прочтении старых – давно известных материалов), выпадают из представлявшейся очевидной закономерности их происхождения. История урбанизации в СССР во многих своих аспектах остается белым пятном, потому что либо чрезмерно восторженное, либо тотально критическое отношение не позволяет объективно разобраться в движущих силах и мотивах принятия решений в прошлом, не дает возможности усмотреть их продолжения в настоящем.

Отечественная архитектурно-градостроительная мысль проделала в конце XIX–начале XX в. непростой путь от идеи города-сада до концепции индустриальных городов-новостроек – поселений нового типа, названных «социалистическими городами».

В дореволюционный период идея города-сада, несмотря на некоторое сопротивление со стороны царского правительства, нашла свое практическое воплощение в работах российских архитекторов. С приходом революции она обрела второе дыхание, благодаря присущему ей социально-реформаторскому содержанию. Но затем, по не разъясненным до сих пор причинам, на долгие годы оказалась отброшенной.

Пришедшая ей на смену идея советского рабочего поселка, реализовавшаяся в середине 1920-х гг., была замещена в конце 1920-х гг. концепцией социалистического города, которая, несмотря на свое фундаментальное значение для последующей государственной градостроительной и жилищной политики, исторически описана и теоретически раскрыта на сегодняшний день, к сожалению, очень фрагментарно и поверхностно.

Начальный период индустриализации – ключевой для развития отечественной архитектуры и градостроительства, так как в это время были заложены основы двух базовых концепций всего советского периода: «со-

циалистического расселения» и «соцгорода». Но описывая их, советская архитектурная историография исключала из изучения такие основополагающие аспекты, как геополитические приоритеты и их роль в принятии решений о формировании структуры промышленного производства и неразрывно связанного с ней нового расселения; трудо-мобилизационную и военно-мобилизационную составляющие районной планировки и генпланов соцпоселений; систему партийно-административного управления населением и ее воплощение в планировочной структуре населенных мест; фактическое отсутствие в индустриальных городах-новостройках внутригородского транспорта и вызываемое этим вынужденное приближение селитбы к градообразующему предприятию; реальное социальное неравенство общества и его закрепление в предписываемой свыше типологии жилья; фактические возможности базы стройиндустрии и, как следствие, степень капитальности и инженерного оборудования возводимого жилища; стихийные процессы возникновения временных барачных поселков и «нахаловок» и их реальное влияние на формирование пространственной структуры соцгородов; воздействие нормативных установок и идеологических предписаний на, казалось бы, свободное творческое волеизъявление архитекторов-проектировщиков и т. п.

Вынесение подобных вопросов «на периферию» архитектурных изысканий не позволяло раскрыть взаимосвязь архитектурно-градостроительных решений с особенностями исторического процесса развития советского общества. Данное исследование изучает все эти явления, восполняя тем самым пробелы в истории и теории отечественной архитектуры и градостроительства.

Степень изученности. Архитектуре и градостроительству 1920–1930-х гг. посвящено значительное количество работ; оно рассматривалось в различных тематических аспектах, в том числе и в смежных дисциплинах. В ходе исследования прорабатывались труды послереволюционного периода, освещавшие причины популярности отдельных градостроительных идей в условиях социальных преобразований того времени¹; исследования, посвященные теоретическим основам советского градостроитель-

¹ Бархин Г., Великовский Б., Верезубов И., Виленц-Горовиц Е., Воронин Л., Гельман И., Глазырин В., Диканский М., Иванов В., Кожаный П., Лопатин П., Мачинский В., Петров М., Прейс П., Семенов В., Френкель З., Шейнис Д. и др.

ства², истории архитектурной и градостроительной проектной деятельности³; творчеству мастеров советской архитектуры⁴; материалы, посвященные деятельности творческих архитектурных группировок⁵; переселенческой политике советской власти⁶; экономгеографическим стратегиям территориального районирования⁷; вопросам размещения промышленности и неразрывно связанного с ней расселения⁸; устройству транспортно-коммуникационной и распределительной систем⁹, истории развития системы проектного дела¹⁰; деятельности иностранных архитекторов в СССР¹¹; формам организации архитектурных и градостроительных знаний¹²; особенностям архитектурно-планировочных решений конкретных социалистических городов¹³, а также общим представлениям о теоретических, методологических и практических основах градостроительной политики¹⁴.

Основные архитектурно-градостроительные концепции (т. е. те, которые были восприняты и поддержаны государством) начального периода

² Астафьева-Длугач М., Бархин М., Белоусов В., Бочаров Ю., Глазычев В., Градов Г., Гутнов А., Иконников А., Косенкова Ю., Лежава И., Смоляр И., Хан-Магомедов С., Хайт В., Яковлева Г., Яргина З. и др.

³ Алешин В., Астафьева М., Баландин С., Блинов Е., Бондаренко И., Борисова Е., Бунин А., Волчок Ю., Гуляницкий Н., Ефимов А., Захарова И., Каждан Т., Казусь И., Кириченко Е., Колясников В., Конышева Е., Косенкова Ю., Косицкий Я., Легошко С., Нащокина М., Саваренская Т., Смирнова Е., Соколов Н., Хазанова В., Хлебников И., Хмельницкий Д., Ружже В., Рябушин А. Череди́на И и др.

⁴ Асс В., Афанасьев К., Бархина А., Белоусов В., Блашевич, Р., Букова Р., Быков В., Быкова Г., Велюкорецкий О., Давидович В., Жуков К., Зиновьев П., Лансере Н., Лейбошиц Н., Оль Г., Ржехина О., Савельева Н., Савицкая Ю., Смирнова О., Череди́на И., Чижи́кова Т., Халпахчян О., Хлебников И., Христиани А., Эйгель И., Ясевич В. и др.

⁵ Барутчев А., Хигер Р., Кринский В., Лавров В., Симбирцев В. и др.

⁶ Бородин Л., Бугай Н., Вернер М., Земсков В., Гущин Н., Ивницкий Н., Красильников С., Максимов С., Платунов Н., Симонов Н., Суворова Л. и др.

⁷ Александров И., Алкин И., Баранский Н., Буяновский М., Волков Е., Волобуев-Артемов М., Гольденберг Э., Гурари Е., Егоров К., Жданов Б., Ивановский В., Морозов Н., Саушкин Ю., Рыбников А. и др.

⁸ Бочаров Ю., Владимиров В., Власова Н., Жолков А., Зуев В., Колясников В., Силин Я., Наймарк Н., Фильваров Г. и др.

⁹ Белов П., Бессонов С., Блюмин И., Бернштейн-Коган С., Васютин В., Галицкий М., Дашковский И., Дитина С., Каган И., Ковалевский Н., Краснов В., Лившиц Р., Осокина Е., Покшишевский В., Трошев Н., Чарновский Н. и др.

¹⁰ Говоренкова Т., Казусь И., Карпов С., Сладков Д.

¹¹ Коккинаки И., Конышева Е., Стригалева А., Хмельницкий Д. и др.

¹² Зворыкин Д., Глазычев В., Говоренкова Т., Журавлев А., Зинченко А., Карпов С., Никитин В., Раппапорт А., Ревзин Г., Савченко М., Сладков Д., Сцепуржинская М., Яровой А. и др.

¹³ Баландин С., Боровой А., Захарова И., Конышева Е., Орельская О., Птичникова Г., Невзгодин И. и др.

¹⁴ Анимиа А., Беньямин М., Владимиров В., Власова Н., Дульшиков Ю., Корнев А., Любовный В., Моргачев В., Наймарк Н., Пчелинцев О., Силин Я., Смоляр И., Таболин В., Штульберг Б. и др.

существования СССР до сего момента, за редким исключением¹⁵, не изучались в контексте государственной расселенческой политики. В иных хронологических границах они рассматривались рядом авторов¹⁶, а в последнее десятилетие их историческому осмыслению были посвящены сборники научных трудов НИИТИАГ РААСН¹⁷. Но все же многие события архитектурно-градостроительной политики до сих пор остаются без описания причин своего происхождения. Например, отсутствует объяснение того, почему социальное содержание идеи города-сада, как справедливо констатировала В.Э. Хазанова, оказалось полностью изъятым из советской системы архитектурных знаний; не раскрыт градостроительный аспект существования трудо-бытовых коллективов, на важность которого указывал в своих трудах С.О. Хан-Магомедов¹⁸.

Объект исследования. История формирования и смены основных архитектурно-градостроительных концепций в СССР в первой трети XX в.

Предмет исследования. Принципы пространственно-планировочной организации и особенности архитектуры городов-садов, советских рабочих поселков и соцгородов в контексте архитектурно-градостроительной, миграционной, социально-управленческой политики; мероприятия по освоению окраинных и безлюдных территорий, общегосударственных программ по формированию нового каркаса расселения.

Цель диссертации – раскрыть исторические особенности формирования и причины смены основных архитектурно-градостроительных концепций в СССР в период 1917–первая половина 1930-х гг. в их обусловленности социально-экономическими, социально-культурными и социально-управленческими факторами.

¹⁵ Вайтенс А., Конышева Е., Косенкова Ю.

¹⁶ Владимиров В., Волчок Ю., Колясников В., Нащокина М., Семенцов С., Смоляр И., Эпштейн А. и др.

¹⁷ «Власть и творчество» (1999), «Желаемое и действительное» (2002), «Переломы эпох» (2005) в серии «Архитектура в истории русской культуры» (отв. ред. И.А. Бондаренко), а также «Архитектура сталинской эпохи. Опыт исторического осмысления», «Советское градостроительство 1920-1930-х годов. Новые исследования и материалы» (2010), (отв. ред. Ю.Л. Косенкова) и др.

¹⁸ Работы С.О. Хан-Магомедова ставят важную исследовательскую задачу, очерчивая, фактически, непроработанную область исторического материала. В настоящем исследовании эта задача целенаправленно решается – в специальный аспект рассмотрения выделены принципы административно-экономического районирования территории страны, определявшие формирование системы расселения.

Задачи исследования:

1) выявить специфику содержания говардовской идеи города-сада и раскрыть причины, по которым она была отвергнута в рамках советской государственной градостроительной политики;

2) раскрыть и охарактеризовать доктрину советского рабочего поселка, сложившуюся в первое послереволюционное десятилетие;

3) зафиксировать содержание концепций соцгорода и социалистического расселения;

4) выявить и описать методику расчета численности населения социалистических поселений и нормативные требования к формированию их планировочной структуры;

5) выявить характер влияния на концепцию соцгорода постулатов административно-территориального районирования;

6) обобщить и систематизировать типологию жилой застройки: а) поселков советской жилищной кооперации, спроектированных на основе принципов города-сада; б) советских рабочих поселков; в) соцгородов-новостроек.

7) определить содержание и датировать этапы формирования и смены основных архитектурно-градостроительных концепций в СССР в период с 1917 г. до первой половины 1930-х гг.

Решение этих задач позволит понять, каким образом политический строй, существовавший в рассматриваемый период, формировал среду своего обитания и какую роль в этом процессе он уделял устройству новых населенных мест – их расположению; внутренней структуре; характеру планировки, благоустройства и инженерно-технического обеспечения; возводимым типам жилищ и их архитектуре; составу объектов инфраструктуры обслуживания; внешнему облику и т. п.

Методологические основания исследования. Ответить на поставленные в исследовании задачи, исходя только из внутренней логики развития отечественной теоретической архитектурно-градостроительной мысли, невозможно, потому что архитектурные, планировочные, расселенческие решения, принимавшиеся в Советском Союзе в контексте программы индустриализации, во многом предопределялись непрофессиональными обстоятельствами. Они были подобны, по образному выражению А. Иконникова, повороту «все разом», осуществляемому эскадрой по приказу командующего – понять причину этого маневра абсолютно невозможно, сидя в трюме одного из судов. Ответ требует выхода «наверх» – за рамки при-

вычных предметов историко-теоретических архитектурно-градоведческих исследований – в области, пограничные с профессиональной действительностью, такие как геополитические интересы, промышленная политика, марксистско-ленинская идеология, законодательство и т. п.

Только такое системное представление способно реконструировать архитектурно-градостроительные задачи, которые в изучаемый период решала власть, и раскрыть причины, вызвавшие их постановку. Лишь через призму официальной архитектурно-градостроительной политики можно ответить на вопрос о мотивах резких изменений курса советского зодчества, потому что только с «капитанского мостика» становятся понятны те действия (а также способы их осуществления), которые власть целенаправленно и методично прилагала к профессии архитектора с целью ее трансформации в нужном для себя направлении. Только так можно выявить характер принудительной эволюции архитектурно-градостроительного творчества и понять, почему архитектурно-градостроительное теоретизирование вызывало то одобрение, то, напротив, резкое неприятие со стороны партийных структур.

В работе используется контекстуальный метод исследования, позволяющий раскрыть влияние социально-политического контекста изучаемого периода на архитектурно-градостроительные феномены, принципы их теоретического осмысления и организационно-управленческие реалии их проектирования¹⁹.

Область исследования очерчена автором в соответствии с требованиями паспорта научной специальности ВАК 05.23.20 – «Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия» для выявления зависимости архитектурно-градостроительных идей от особенностей протекания исторического процесса²⁰; изучения особенностей развития архитектуры в ее взаимосвязи с общими закономерностями советского общества и профессиональной культуры, воплощенными в проектах рабочих поселков и городов-новостроек²¹; раскрытия специфики формообразования и художественной образности, конструктивно-технических и экономических особенностей типологии жилой архитекту-

¹⁹ На исключительную важность использования подобного метода при изучении истории советской архитектуры указывал ряд авторов – Астафьева-Длугач М.И., Волчок Ю.П., Иконников А. В., Хайт В.Л., Хазанова В.Э. Хан-Магомедов С.О. и др.

²⁰ Данной проблематике посвящены разделы диссертации: 1.2 и 2.1.

²¹ Эти вопросы раскрываются в разделах: 4.2, 2.1, 5.1.

ры²², а также выявления социально-культурной обусловленности архитектурной деятельности²³.

Границы исследования. В исследовании рассмотрены лишь основные концепции – те, которые были поддержаны на государственном уровне и воплощены при реализации расселенческой, градостроительной и жилищной политики. Объект исследования ограничен территорией РСФСР и не охватывает планировочных мероприятий, осуществлявшихся в союзных республиках, в силу того, что они отличались спецификой национального, климатического, хозяйственно-экономического характера. Проектные и нормативные материалы союзных республик (в частности, Украины) привлекались лишь в той мере, в коей они отражали общегосударственные установки.

Предметные границы исследования охватывают проектировавшиеся и строившиеся в рассматриваемый период рабочие поселки и городановостройки, входившие в зоны промышленного развития. Мероприятия и действия власти по отношению к реконструкции и развитию существовавших городов и поселков, а также в отношении поселений, расположенных в сельской местности, в данном исследовании не рассматривались, так как подобные проявления архитектурно-градостроительных концепций, в силу своей специфики, требуют специального предметно-ориентированного изучения.

Хронологические границы исследования – с 1917 г. до середины 1930-х гг. – определены периодизацией, принятой в трудах по истории СССР, отечественной архитектуры и градостроительства. Несмотря на то, что данное исследование сосредоточено на начальном этапе существования СССР, автор вынужден был при изучении социально-управленческих основ идеи города-сада обращаться к дореволюционному периоду развития градостроительства в России, потому что именно там сокрыты концептуальные истоки социально-реформаторского подхода и основа будущего конфликта идеи города-сада с концепцией советского рабочего поселка. Конечная хронологическая граница проведена по середине 1930-х гг., потому что в этот период Академия коммунального хозяйства, согласно постановлению СНК РСФСР²⁴, начала разрабатывать общую методологию планировки населенных мест, а также проекты технических и экономиче-

²² Исследовано в разделах: 2.3; 5.3, 5.4.

²³ Этот аспект изучается в разделах диссертации: 1.1; 2.2; 4.2.

²⁴ Постановление СНК РСФСР от 3 июля 1934 г. «О мероприятиях по улучшению планировки, застройки и архитектурного оформления населенных мест»

ских норм проектирования, реализация которых знаменовала собой уже следующий этап осуществления архитектурно-градостроительной политики.

Источники исследования: а) партийные и правительственные постановления (ЦК ВКП (б), ЦИК и СНК СССР, ВЦИК и СНК РСФСР, СТО, ЭКОСО), определявшие направленность государственной расселенческой и градостроительной политики, зафиксированные в законодательных актах, периодической печати, а также специальной литературе; б) ведомственные (НКВД, ВСНХ, НКТП, НКТруд и др.) рекомендации и предписания по проектированию городов и поселков; в) профессиональная периодическая печать изучаемого периода, обладающая сегодня ценностью архивных документов; г) научные статьи и монографии, стенограммы выступлений участников научных диспутов и дискуссий, в частности, дискуссии о городе-саде – 1922–1924 гг. и дискуссии о соцрасселении – 1929–1930 гг.; д) нормативные документы; е) программы проектирования; ж) проектная документация (генеральные планы городов-садов, рабочих поселков, соцгородов, пояснительные записки к проектам, планы, фасады, разрезы), а также натурные фотографии жилых зданий и сооружений, экспертные заключения. Широко использованы материалы центральных государственных архивов РФ – ГАРФ, РГАЭ, РГАЛИ, РГАСПИ, а также архива Баухауза (Дессау, Германия).

В исследовании сознательно сделан упор на использование первичных источников; вторичные источники составляют лишь около 10 % цитируемой литературы.

Такие аспекты исследования, как: а) специфические особенности поселков советской жилищной кооперации; б) социально-стратовая дифференциация населения соцгородов-новостроек; в) методология территориального районирования; г) роль иностранных архитекторов в разработке методики градостроительного проектирования соцгородов; д) государственная организация профессии архитектора в СССР; е) влияние идеи обобществления быта на архитектурно-градостроительные решения детально проработаны автором ранее и подробно изложены в монографиях, опубликованных докладах и статьях. Поэтому их развернутая аргументация в тексте диссертации сознательно упущена, вместо чего сделаны указания на труды автора, посвященные этим аспектам, а в списке литературы представлены соответствующие

библиографические ссылки.

Научная новизна. Впервые в научный оборот введены не публиковавшиеся ранее документы и иллюстративные материалы, относящиеся к программам проектирования поселков-садов жилищной кооперации, советских рабочих поселков и соцгородов, извлеченные автором из государственных архивов Российской Федерации (ГАРФ, РГАЭ), а также материалы, раскрывающие содержательную подоплеку политических решений в отношении всесоюзной дискуссии о соцрасселении, обнаруженные в РГАСПИ.

В исследовании впервые на основе малоизвестных фактов и сведений по истории отечественной архитектуры и градостроительства раскрыто социально-реформаторское содержание, позволившее идее города-сада с приходом революции обрести практическое воплощение в работах российских архитекторов; выявлены причины, по которым на долгие годы идея города-сада оказалась фактически запрещенной.

В исследовании впервые охарактеризована специфика советского ведомственного рабочего поселка, пришедшего во второй половине 1920-х гг. на смену городу-саду; выявлена типология жилой застройки и причины проектирования и строительства именно этих типов жилья. Впервые детально раскрыто содержание концепции социалистического города; зависимость градостроительной политики от оборонных и переселенческих задач, а также от программ освоения северных и окраинных территорий страны.

Диссертация на основе сведений, извлеченных автором из архивов (ГАРФ, РГАЭ, РГАЛИ, РГАСПИ), впервые дает ответ на один из основополагающих вопросов истории отечественного градостроительства: какую стратегию расселения избрала советская власть, закрыв дискуссию о соцрасселении (1929–1930 гг.) и отвергнув предложения урбанистов и дезурбанистов.

Впервые осуществлено исследование основных архитектурно-градостроительных концепций, пространственно обеспечивавших существование трудо-бытовых формирований большого территориального масштаба (в частности, коллективов градообразующих предприятий) со стороны, с которой до сего момента они комплексно не рассматривались — как результат совокупности законодательных и административных мер, направленных органами власти на создание механизма управления средой жизнедеятельности. Подобный ракурс изучения позволил вскрыть соци-

ально-организационное содержание, которое в 1920–1930-е гг. предопределяло территориально-административное структурирование социалистических рабочих поселков, соцгородов. А исследование совокупности принципов формирования системы расселения впервые дало возможность раскрыть характер использования планировочных структур как средств расселенческого воплощения трудо-мобилизационной и военно-мобилизационной организации населения за счет соответствующего административного членения территории.

В целом, исследование представляет архитектурную и градостроительную культуру Советской России 1920–1930-х гг. как исторический феномен искусственной урбанизации в условиях централизованного руководства процессами расселения; как пример гигантской по своему масштабу общегосударственной программы формирования городов особого типа, призванных обеспечивать процессы индустриализации трудовыми ресурсами за счет социально-культурной переработки крестьянства, отрываемого от земли и выбрасываемого в города в результате коллективизации.

Положения, выносимые на защиту. В соответствии с формулой специальности: 05.23.20 – Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия, в данном исследовании автором сформулированы и представлены к защите:

- концептуальные основы и научно-проектные положения города-сада и советского рабочего поселка, которые на определенных этапах изучаемого периода являлись базовыми для советского градостроительства;
- содержание концепции соцгорода, особенности экономической и социально-культурной обусловленности архитектурной деятельности;
- закономерности развития советской архитектуры и застройки соцгородов-новостроек в связи со спецификой формирования среды жизнедеятельности и пространственного каркаса страны в целом;
- особенности развития профессиональной культуры и профессионального мастерства в рамках идеологических требований, нормативов, методик расчетов, типологии застройки и т. д., предписываемых централизованной системой руководства архитектурной деятельностью.

Практическая значимость. Материалы исследования включались в лекционные курсы по социальным основам архитектурного проектирования, истории градостроительства, проектному и предпроектному анализу; в настоящее время используются при проведении практических и семинарских занятий в Институте архитектуры и строительства ФГБОУ ВО «Ир-

кутский национальный исследовательский технический университет» для специальностей: «Архитектура», «Дизайн архитектурной среды», «Реконструкция и реставрация архитектурного наследия».

Теоретические результаты исследования были использованы при разработке Российской академией архитектуры и строительных наук Градостроительной доктрины России; будут включены в фундаментальные издания по советской архитектуре, подготавливаемые в соответствии с планом НИР филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» в Научно-исследовательском институте теории и истории архитектуры и градостроительства; могут быть использованы при разработке конкретных схем группового расселения и генеральных планов населенных мест.

Рекомендации по использованию научных выводов. Материал, основные положения и выводы диссертации имеют междисциплинарный характер и могут быть использованы архитекторами, историками, политологами, культурологами, управленцами в научных исследованиях по различным аспектам изучения советского общества; руководителями аспирантов и магистрантов при определении тематики диссертационных исследований по истории и теории отечественной архитектуры и градостроительства, а также при подготовке выставок по советской архитектуре. Могут быть применены в таких областях современной практической деятельности, как муниципальное управление развитием населенных мест и региональная градостроительная политика.

Апробация и внедрение содержания и результатов диссертации.

Основные положения и материалы исследования внедрены в НИР по грантам: Президента Российской Федерации по проектам общенационального значения в области культуры и искусства (№ 12-05/4-3304, 2003 г. – рук.); РФФИ (№ 08-01-00512а, 2008-2009 гг. – рук.); РГНФ (№ 06-04-00153-а, 2007-2008 гг. – исп.; 08-04-93824а/к, 2008 г. – рук.; № 09-06-13520-офи_ц, 2009-2010 гг. – рук.); в разработках НИР РААСН (№ 1.5.32, 2007 г. – рук.; № 1.7.5, 2008 г. – рук.; № 1.1.3, 2010-2012 г. – рук.; № 1.2.30, 2013-2015 г. – рук.).

Апробировались в виде докладов по теме исследования на 10 международных и 7 российских научно-практических конференциях.

Результаты исследования внедрены в учебный процесс в ФГБОУ ВО «Иркутский Национальный исследовательский технический университет» специальностей: «Архитектура», «Дизайн архитектурной среды», «Реконструкция и реставрация архитектурного наследия».

Внедрение результатов исследования в проектную практику проводилось в качестве автора в составе творческих коллективов, а также научного консультанта по проектам. Имеются акты внедрения.

По теме диссертационного исследования опубликовано 43 работы общим объемом 78,9 п. л., в т.ч.: 2 авторских монографии (31,1 п.л.); 3 монографии в соавторстве (авторских - 4,5 п.л.); 3 раздела коллективных монографий (16,8 п.л.); 25 статей в журналах списка ВАК (15,4 п.л.); 1 учебное пособие (5,3 п.л.), а также 9 статей в сборниках материалов всероссийских и международных конференций и симпозиумов (5,8 п.л.).

Перспективными направлениями разработки темы являются: а) выявление механизма разработки программ конкурсного и рабочего архитектурно-градостроительного проектирования; б) изучение характера влияния общегосударственной организации архитектурно-градостроительной деятельности на содержание проектов; в) раскрытие роли Союза советских архитекторов в процессах формирования массового профессионального сознания и иностранных архитекторов в разработке методологии проектной деятельности и конкретных образцов проектных решений; г) описание механизма утверждения и согласования архитектурных и планировочных проектов и влияние этого процесса на содержание принимавшихся решений; д) определение степени соответствия реализованных генеральных планов и возведенных сооружений исходным проектным решениям и т. д.

Диссертационное исследование представлено в 2-х томах (общий объем – 926 стр.). Первый том (487 стр.) состоит из введения, 5 глав, заключения, списка сокращений, списка цитируемых источников и литературы (533 наименования). Во втором томе диссертации (439 стр.) содержатся 516 иллюстраций, раскрывающих содержание глав диссертации, а также 84 таблицы экспозиционного материала публичной защиты.

Содержание работы

Глава 1. Город-сад как элемент архитектурно-градостроительной политики в предреволюционный период

В первой главе исследуются причины популярности и движущие силы реализации идеи городов-садов в дореволюционной России. Установлено, что в конце XIX–начале XX вв. мероприятия по возведению поселений-садов осуществляли: а) городские управы; б) частные промышленники (производственные объединения); в) государственные ведомства; г) жилищные кооперативы; д) землевладельцы.

В диссертации обобщен материал теоретического осмысления планировочного и социального содержания идеи города-сада, содержащийся в дореволюционных трудах Бенуа Л.Н., Виленц-Горовиц Е.В., Енша А.К., Дадонова В., Диканского М.Г., Дмитриева Н.В., Дубелира Г.Д., Карповича В.С., Кнатца Б.Г., Ковалевского Г.П., Мижужева П.Г., Протопопова Д.Д., Семенова В.Н., Сытенко Н.А., Фомина И.А., Френкеля З. Г. и др.

Констатируется, что российские архитекторы рубежа XIX–XX вв. (Алешин П.Ф., Веснин В.А., Ильин Л.А., Крамарев А.Я., Лебедев Д.А., Мунц О.Р., Сколимовский К.Г., Сальманович П.О., Семенов В.Н., Таманян А.И., Фомин И.А. и др.), задолго до появления идеи города-сада, воплощали в своем творчестве архитектурно-художественные принципы градостроительного проектирования – традиционные для русского зодчества и впоследствии характерные для города-сада: учет природных условий, живописность планировки и т. п. Однако в социальном и финансовом отношениях российские поселения и зарубежные города-сады резко отличались.

На основе выявленных сведений о функционировании поселений-садов в Западной Европе (в Берлине, Дрездене, Дюссельдорфе, Гиллерау, Лечворсе, Харборне, Биконтри и др.) установлено, что идея города-сада была порождена, прежде всего, невозможностью решения жилищной проблемы для малоимущих слоев населения в существовавших в тот период городах. Основная причина – высокая стоимость земли, уже находящейся в чьей-то собственности. Выкупать территории под новое жилищное строительство приходилось по спекулятивно завышенным ценам, и это приводило к тому, что конечная стоимость жилищ оказывалась непосильной для подавляющей части нуждавшихся в них. Возведение новых поселений за чертой существовавших городов позволяло серьезно снижать данную статью расходов. Кроме того, при строительстве на пустом месте упрощались: регулирование численности населения, нормирование размеров территории, разбивка оптимальных по величине участков земли, рациональная планировка поселения в целом и проч. Но самое главное, обеспечивалась возможность комплексного возведения селитьбы, обслуживающей инфраструктуры и инженерных коммуникаций. Плановость застройки города-сада по заранее разработанному плану была одной из основных линий противостояния говардовской идеи практике появления рабочих поселений при промышленных предприятиях стихийно возникавших, а затем так же стихийно развивавшихся.

В ходе исследования установлено, что социальное содержание идеи города-сада заключалось в том, что строительство жилья в нем осуществлялось «для себя», а не «на продажу». Для этого создавалась специфическая организационно-управленческая форма – «жилищное товарищество». Вступившие в него рабочие и служащие, внося незначительные стартовые суммы, становились акционерами (пайщиками) – коллективными совладельцами. Собранный паевой капитал направлялся на приобретение земельных участков и постройку домов, а свободные суммы вкладывались в благоустройство территории и возведение сопутствующих объектов или помещались под накопительные проценты в банки. При помощи государства, заинтересованного в уменьшении социального напряжения в обществе, товарищества получали кредиты по предельно низким процентным ставкам. А их члены, погашая свой облигационный долг и, тем самым, выкупая жилье, превращались в собственников домов. В конечном счете и сам поселок постепенно становился собственностью его обитателей. Руководство процессами функционирования поселения и распоряжение его территорией осуществлялось в виде коллективного волеизъявления – текущая организационная работа велась публично избранным правлением, а важнейшие вопросы решались общим собранием, в котором на равных правах участвовали все собственники (акционеры).

В поселении-саде каждая семья, к какому бы социальному классу она ни принадлежала, получала во владение индивидуальный дом с небольшим участком земли (садом и огородом). Причем только одним – приобретение нескольких строений для превращения их в доходные дома или в предмет продажи с целью наживы, законодательно запрещалось. Недопущение каких бы то ни было спекуляций с недвижимостью являлось основополагающим принципом существования кооперативного жилищного движения – членство в товариществе рассматривалось как способ индивидуального разрешения потребности в жилище, а не как форма бизнеса. Как следствие, в городах-садах (на первых этапах их развития) концептуально отвергалась постройка многоэтажных домов.

В России популярность говардовской идеи среди городских слоев населения определялась аргарно-индустриальным характером российской экономики, тесной связью горожан с сельским землевладением и привлекательностью жизненного уклада загородной усадьбы. Архитектурное сообщество и либеральная общественность восприняли идею города-сада почти восторженно, царское же правительство отнеслось к ней с большой

опаской, поскольку она базировалась на принципах общественного самоуправления, воспринимаемого самодержавным руководством весьма настороженно. В градостроительной политике царского правительства хозяйственная целесообразность отступала на задний план перед соображениями политического характера – власть была настроена оппозиционно к структурам «городского общественного управления».

В ходе исследования установлено, что в дореволюционной России именно социально-организационная составляющая идеи города-сада нередко игнорировалась – пригородные поселения, часто именовавшиеся «поселками-садами», возводились без образования кооперативного товарищества, а владельцами земли и возводимой недвижимости становились хозяева фабрик или заводов. В этих случаях жилплощадь не переходила в собственность граждан, а лишь предоставлялась им в наем (временно). Подобное означало, что при увольнении с работы сотрудники в обязательном порядке должны были освободить квартиру. В тех поселениях-садах, которые возводились городскими управами, зачастую, создание жилищного товарищества сводилось не к добровольному объединению малоимущих, а к «кооперированию дельцов», что с неизбежностью влекло спекуляцию земельными участками, и как следствие, рост стоимости жилой площади и невозможность ее обретения представителями малообеспеченных слоев населения.

В диссертации констатируется, что в рамках архитектурно-градостроительной политики дореволюционной России при проектировании и возведении отечественных поселений-садов, несмотря на практическое воплощение художественно-планировочных принципов города-сада, вопросы социальных преобразований не решались: а) ведомства, а также владельцы фабрик не были заинтересованы в реализации социального содержания, так как теряли рычаги управления рабочим и служащим, передавая им землю и недвижимость в собственность; б) администрация городов, в границах которых создавались поселения-сады, выражала интересы строительного капитала, крупных землевладельцев и владельцев недвижимости, которых интересовала прибыль, много эффективнее извлекавшаяся из многоэтажного строительства, нежели от возведения отдельно стоящих индивидуальных домов; в) банковский капитал не стремился вкладывать средства в кооперативное жилищное строительство, так как гарантии возвращения денежных средств не были обеспечены существовавшим законодательством; г) рабочее население в силу целого ряда причин не было

готово в массовом порядке принимать участие в жилищной кооперации; д) царское правительство с большой осторожностью относилось к социальным инновациям подобного рода, так как не желало передавать крупные фрагменты городской территории в ведение местного самоуправления.

В итоге, в дореволюционный период инициативы жилищной кооперации по возведению автономных и самодостаточных пригородных поселений-садов не получили в России такого широкого распространения, как в европейских странах. А те российские поселения-сады, которые все же были построены, не стали в отношении своего социального содержания типологически тождественными западноевропейским городам-садам, более того – оказались противоречащими их социальному замыслу.

Глава 2. Трансформация содержания концепции города-сада в доктрину социалистического рабочего поселка

В исследовании на основе изучения периодической печати начала 1920-х гг. подробно рассматриваются причины того интереса, который в первые годы советской власти российские архитекторы проявили к идее города-сада в надежде, что советская власть устраним все недостатки дореволюционных поселений и создаст подлинные города-сады – с комфортабельными индивидуальными домиками коттеджного типа, с участками, достаточными для огорода и разведения домашней живности, позволяющими реализовать тягу к земле, присущую большинству российского маргинального городского населения. В условиях социальных преобразований – отмены частной собственности на землю, провозглашения приоритета общественных форм жизни и деятельности, призывов к предоставлению трудящимся лучших, нежели прежде, условий проживания и т. п. – города-сады представлялись наиболее подходящим архитектурно-планировочным концептом.

Архитекторы, проектировавшие в период 1918–1922 гг. (бр. Веснины, В.В. Воейков, П.А. Голосов, А.З. Гринберг, Л.М. Гуржиенко, Г.Д. Дубелир, В.Е. Дубовский, И.В. Жолтовский, А.И. Иваницкий, А.Д. Крячков, А.В. Кузнецов, А.Л. Пастернак, П.А. Парамонов, А.В. Самойлов, В.Н. Семенов, С.Е. Чернышев, А.В.Щусев, и многие другие), стремились обеспечить единое пространственное решение, комплексность застройки и благоустройства, целостность композиции, практическое воплощение наиболее привлекательных художественно-планировочных приемов, присущих по-

селениям-садам. И главное – практически не реализованное в предреволюционной России социальное содержание – общественную собственность на землю, финансовые возможности государства по возведению жилища и инфраструктуры, коллективные формы управления процессами градостроительства и текущей эксплуатации жилищ и поселения в целом.

Идея города-сада составляла в послереволюционный период основу советской архитектурно-градостроительной политики как в отношении существовавших городов, подлежащих реформированию, так и будущих населенных мест.

Проведенный в диссертации анализ показал, что возведение автономных поселений вне существовавших городов инициировалось с трех сторон: 1) советскими ведомствами, восстанавливавшими старые и возводившими новые промышленные предприятия, энергетические станции, железнодорожные узлы; 2) жилищной кооперацией; 3) муниципальной властью, решавшей задачи реформирования существовавших городов. В итоге, в первые послереволюционные годы в России появлялось значительное количество проектов поселений-садов²⁵.

Однако совершенно неожиданно в 1922 г. идея кооперативного поселения-сада встретила резкое противодействие со стороны государственных органов, которые начали публично отвергать идею города-сада, прежде всего, из-за ее социального содержания, неразрывным образом, как утверждалось, связанного с капитализмом. Основным противником выступило Главное управление коммунального хозяйства НКВД (ГУКХ НКВД) – на тот период, основной «субъект» осуществления государственной жилищной и градостроительной политики в СССР. Причина в том, что советская власть, точно также как и царское правительство, не допускала даже мысли о возможности существования автономных, самодостаточных, самоуправляемых поселений. Тип отдельностоящего жилого дома с приусадебным участком (коттедж) рассматривался ею как абсолютно недопустимый для массового государственного и кооперативного строительства, ибо

²⁵ Пригороды-сады и поселки-сады для рабочих под Москвой (1918), рабочие поселки-сады для 10 крупнейших машиностроительных заводов в целом на 400-500 тыс. чел.; поселение-сад на Шатурском Государственном болоте (1918-1920 гг.), поселок-сад «Красный Богатырь», Кожуховский поселок-сад; поселки-сады при Истоминской текстильной фабрике под Москвой; Каширской электростанции; станции Шилово; Чернореченском химзаводе Нижегородской губернии; Кизелковской электростанции; электростанции «Красный Октябрь»; при Бондюжском Волго-Камском химическом заводе вблизи Перми; паровозно-ремонтном заводе в г. Подольске; ткацкой фабрике в Ярцево Смоленской губернии и многие другие.

власть и идеологически, и практически боролась с индивидуальным, обособленным бытом.

В исследовании установлено, что в начале-середине 1920-х гг. приоритеты архитектурно-градостроительной политики резко сместились от индивидуально-кооперативной к ведомственно-государственной форме возведения поселений около промышленных объектов; а зона самостоятельности кооперативного движения была законодательно сужена таким образом, что жилищная кооперация оказалась подчиненной администрации промышленных предприятий, советских учреждений и органов городского коммунального хозяйства, входивших в систему ГУКХ НКВД. Идея города-сада была заменена доктриной советского рабочего поселка.

Проведенный в диссертации анализ архитектурно-планировочных особенностей рабочих поселков, проектировавшихся и строившихся в середине 1920-х гг., показал, что они являлись такой же моноструктурной градостроительной системой, как город-сад, который и был родственен ему по характеру планировки, принципам зонирования, балансу территории и т. п. Но резко отличался: а) наличием градоформирующего промышленного предприятия и его ролью в характере композиции планировочной структуры поселения; б) государственной формой землевладения и землепользования; в) отсутствием у населения прав собственности на землю и недвижимость; г) типологией зданий селитебной и административной частей. Последний пункт отличал рабочий поселок от города-сада наиболее резко.

На основе выявленной, обобщенной и изученной информации о более чем 60 рабочих поселках, проектировавшихся и строившихся в рассматриваемый период, установлено, что советская градостроительная политика трактовала предназначение рабочего поселения и характер его эксплуатации как всецело предопределенное задачами функционирования промышленного предприятия – элемента общегосударственной системы производства. Подобная позиция была противоположна концепции городов-садов, которые, несмотря на наличие некоторого числа объектов местной обслуживающей промышленности, не имели собственной градообразующей базы (т. е. места приложения труда для подавляющей массы населения) – обитатели города-сада работали в близлежащем индустриальном центре, с которым поселение связывалось системой транспорта.

В диссертации впервые доказано, что советская архитектурно-градостроительная политика в середине-конце 1920-х гг. отличалась от по-

литики возведения городов-садов дореволюционного периода, прежде всего тем, что социально-управленческая парадигма рабочих поселений, проектировавшихся и строившихся государственными структурами при железнодорожных узлах, мануфактурах, паровозоремонтных мастерских, электростанциях, возводившихся по плану ГОЭЛРО, торфоразработках и проч., оказывалась неразрывно связанной со строительством, расширением или реконструкцией градообразующего промышленного объекта. Именно он предопределял «потребное» количество рабочей силы (которая, собственно, и составляла население поселка); выступал в роли первопричины финансирования жилищного строительства; был единственным источником развития всей общественно-культурной жизни поселения.

Архитектурно-планировочная организация социалистического рабочего поселка могла быть как живописной²⁶, так и регулярной²⁷, но она всегда выражала «промышленно-селитебную» доктрину тем, что размещала градообразующий промышленный объект в центре планировочной композиции поселения, трактуя его как «смысловой фокус» пространственно-территориальной организации жилой зоны. Подчас, место производственного объекта в центре поселения занимало «здание-заместитель»: заводоуправление или здание органа власти (горсовета, горисполкома и т. п.), или идеологически знаковое общественное сооружение (народный дом, театр, клуб и т. п.). Но суть концепции это не меняло и с середины 1920-х гг. подобное негласное правило приобрело силу неписанного закона.

Социалистический рабочий поселок архитектурно-градостроительными средствами воплощал принцип трудомобилизационной и военно-мобилизационной организации населения. Он не только был жестко связан с производством, которое был призван обеспечивать рабочими руками, но и за счет исключительно государственной (государственно-ведомственной) формы владения, распределения и распоряжения жилищем и землей, осуществлял одну из своих основополагающих функций – прикреплял население к месту работы. Кроме того, соцпоселок осуществлял социальную фильтрацию населения – здесь имели право проживать лишь те, кто трудился на градообразующем предприятии, в сфере поселкового обслуживания или управления. Жить в нем и при этом

²⁶ Например, как в планировке поселений при паровозно-ремонтном заводе в г. Подольске и ткацкой фабрике в Ярцево Смоленской губернии; г. Люблино; в проектах планировки «Станционного поселка» для рабочих и служащих железнодорожной станции, мастерских и депо в Кашире и поселка рабочих текстильной фабрики на ст. Яхрома Савеловской ж.д.

²⁷ В поселке «Красный Богатырь», Кизелковской электростанции и электростанции «Красный Октябрь» и др.

ничего не делать, кормясь с собственного приусадебного участка (как, например, в деревне или в городе-саде) было запрещено. Соцпоселок позволял регулировать количество населения и его социальный состав за счет целевого наделения жилищем; распределения продуктов и вещей; оказания услуг (например, медицинского обслуживания, обучения) и т. д.

Анализ программ проектирования поселений-новостроек позволил выявить особенности эволюции типологии жилого фонда, которая неизменно отражала процессы, протекавшие в хозяйственной и политической жизни страны, материализовала социальную структуру общества. Так, в начальный период НЭП государственная архитектурно-градостроительная политика была направлена на привлечение средств населения для самостоятельного разрешения жилищной нужды в виде строительства поселков жилищной кооперации. Жилой фонд в них представлял собой жилые дома особнякового типа (отдельностоящие или попарно блокированные) с приусадебными земельными участками для сада и огорода и с надворными постройками. То есть был, фактически, таким же, как в говардовских поселениях-садах. При этом в рабочих поселках, возводимых в этот же самый период ведомствами, типология жилого фонда была серьезно смещена в сторону коммунального быта. Исследование показало, что индивидуальное жилище (2–5 % жилого фонда) в виде 2–4-х квартирных домов или зданий особнякового типа строилось лишь для руководства и технических специалистов высшего звена. Для семей технических специалистов и руководителей среднего уровня предназначались 1–2-х этажные многоквартирные дома (10–15 %); для остального населения – основной части рабочих и служащих – предусматривались казармы, бараки и общежития (80–85 % жилого фонда).

В исследовании доказано, что государственная градостроительная политика в середине 1920-х гг. являлась прямым следствием той работы по назначению функциональных профилей и мощностей промышленных предприятий, которую осуществляли органы государственного планирования. В итоге, не стихия рынка диктовала «потребное» количество населения, квалификационный состав рабочей силы и количество служащих, необходимых для эффективного функционирования системы поселкового обслуживания, а общегосударственные расчетные нормативы. Именно они, а не запросы населения, задавали объемы жилищного строительства и типологию домостроений. Этим советский рабочий поселок-сад кардинально отличался от говардовского города-сада, где каждая семья сама

определяла, какой площади дом себе строить, какого внешнего вида, как использовать сад или огород; а общее собрание членов кооперативного товарищества решало, каков будет бюджет поселения, как его распределять, каких инвесторов и с какими целями впускать на территорию поселка и т. д. В советском пригородном рабочем поселке и собственность на землю, и все источники развития: финансовые, материальные, технические и прочие, а самое главное, механизмы управления были исключительно государственными.

Глава 3. Новое административно-территориальное районирование страны – основа градостроительной политики советского государства

В 1926–1927 гг. в СССР начала разрабатываться программа формирования военно-промышленного комплекса, именовавшаяся программой индустриализации. Эта программа указывала, сколько и каких следует построить заводов и фабрик для формирования единой технологической сети производств, способной максимально быстрыми темпами осваивать природные запасы сырья, заселять пустующие территории и быть предельно неуязвимой во время возможных боевых действий. К 1929 г. Госплан завершил разработку теоретических принципов территориального членения и определил производственно-экономический потенциал новых административно-хозяйственных районов, а также потребность в рабочей силе, необходимой для их освоения.

В диссертации подробно рассматривается взаимосвязь градостроительной политики с административно-территориальным районированием, процессами территориального размещения промышленности, планами формирования транспортной инфраструктуры, мероприятиями по перемещению населения к местам возникновения новых промышленных и энергетических объектов и т. д.

Исследование выявило, что работа Госплана над программой индустриализации всецело опиралась на концептуальные постулаты, содержащиеся в работах К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина. Госплановские разработки основывались также на результатах анализа состояния производственного потенциала СССР²⁸, доказывавшего, что следует не реконструировать существовавшие промышленные предприятия, а возводить новые, потому что приобретение за рубежом передовых технологий и строительство для них современных промышленных сооружений, с точки

²⁸ Александров И., Кржижановский Г. и др.

зрения экономики и трудозатрат, оказывалось более выгодным, нежели догоняющая модернизация старых фабрик и заводов.

Градостроительная политика первых послереволюционных лет в отношении слабо освоенных территорий во многих содержательных моментах основывалась на предреволюционных проектных разработках. На тех из них, которые соответствовали планам советского руководства. В частности, одним из первых был реализован план ГОЭЛРО. Потому что он постулировал новые принципы пространственной концентрации индустрии (в местах возведения энергетических комплексов) и практически трансформировал существовавший ранее пространственный каркас расселения. Зоны размещения промышленности (и неразрывно связанной с ними селитьбы) «отрывались» от мест залегания энергоносителей (угля, торфа) и переносились к местам залегания сырья (т. е. в базовые ареалы новой территориальной структуры), где предусматривалось возведение гидро- и теплоэлектростанций, обеспечивавших промышленность необходимой электроэнергией.

Следует отметить, что подобная методология административно-территориального районирования и сопровождавшая его градостроительная политика являлись совершенно инновационными в сравнении с дореволюционным периодом. Она, как и вся стратегия госплановских разработок, была преобразовательной по отношению к существовавшей пространственной конструкции страны. Этот подход целенаправленно противопоставлялся прежнему, именовавшемуся «познавательным», исходившему из изучения местных факторов и выявления статистических данных о естественных тенденциях развития. Новое административно-хозяйственное районирование формировало новые зоны ресурсодобычи и приближенные к ней ареалы размещения новых промышленных комплексов; в крупных масштабах перераспределяло население; реструктурировало всю транспортную систему; создавало новую энергетическую сеть; изменяло конфигурацию хозяйственно-экономических единиц; трансформировало существовавшие административно-территориальные единицы.

Исследование показало, что новое районирование ставило задачу возведения поселений вблизи возникавших промышленных предприятий или расширения селитьбы старых поселений, получавших импульс роста в связи с размещением в них новых объектов промышленности, энергетики, транспорта.

Сознательно закрепляя за новыми крупными индустриальными центрами роль опорных узлов единого общегосударственного производственно-распределительного процесса и присваивая им функцию центров территориальной организации населения, власть, тем самым, выстраивала систему партийно-административного управления, считая ее важнейшим атрибутом государственности. При этом вопросы формирования комфортной среды обитания отходили на второй план или вообще не ставились, а лишь идеологически провозглашались. Окраинные и слабозаселенные территории страны заполнялись новым населением не благодаря созданию здесь более привлекательных, более качественных условий жизни, а за счет приказного перемещения рабочей силы, демобилизованных красноармейцев, ссыльнопереселенцев, трудомобилизованных.

Промышленно развитые центральные районы использовались как базовые для социально-культурной переработки в пролетариат крестьянского населения, выдавливаемого в города коллективизацией. А срединные и северные, практически пустующие части страны, являвшиеся местами разнообразных природных ресурсов, входили в программу индустриализации в качестве территориальных ареалов, которые следовало осваивать, в основном, усилиями лиц принудительного труда.

Главной задачей создания новой пространственной конструкции страны являлось обеспечение «экономического сжатия пространства». Достигалось это за счет «магистрализации» (оптимизации транспортной сети, повышения скорости движения и провозоспособности) а также «агломерирования» (т. е. повышения доли коротких связей в производственных процессах и расселении). Не подозревая о наличии термина «агломерация» (да его и не существовало в тот период), советская власть, в точном соответствии с ее теоретическими признаками (которые будут сформулированы много позже), создавала в базовых ареалах дезурбанизированного расселения локально сконцентрированные урбанизированные территории, впоследствии, заметим, довольно хаотично развивавшиеся.

Но если во всем мире рост больших городов и агломераций являлся результатом их естественного постепенного роста (вопреки усилиям властей сдерживать этот рост), то развитие урбанизации в Советском Союзе в 1930-е гг., было абсолютно сознательно и планомерно осуществляемой программой. В ходе ее реализации новые крупные городские образования возникали как результат практического решения задач размещения строго посчитанного количества потребных трудовых ресурсов около возводимых

промышленных комплексов. Осуществлялось это искусственно – за счет волевого назначения мест размещения новых промышленных узлов, административного превращения их в ядра нового расселения и в результате последующего принудительного перемещения сюда людских контингентов.

В исследовании доказано, что программа индустриализации целенаправленно решала задачу формирования единой общегосударственной иерархически устроенной административно-территориальной управленческой структуры, способной скрепить части огромной страны в неразделимое целое и обеспечить условия протекания всей цепочки производственных процессов – от добычи ресурсов, до распределения готовой продукции.

Хозяйственно-экономическое районирование сознательно совмещалось с районированием административно-политическим и управленческим. Оно задавало такое устройство опорного каркаса страны, при котором «рисунок расселения» представлял собой совокупность центров промышленного производства с прилегающими к ним сельскохозяйственными зонами, обеспечивавшими города-новостройки квотируемыми объемами продуктов питания. Эти центры соединялись друг с другом системой транспортных магистралей. Предполагалось, что подобное административно-территориальное устройство позволит сформировать единую общегосударственную структуру административно-территориального управления, охватывающую все стороны хозяйства, все функции. Сформирует единое многофакторное пространство: экономико-технологическое, социально-культурное, научно-производственное, организационно-управленческое и т. п.

Глава 4. Концепция социалистического расселения

Предметом изучения в четвертой главе выступает взаимосвязь архитектурно-градостроительных концепций 1930-х гг. с расселенческой политикой, предписывавшей создавать соцгорода как места сосредоточения пролетариата («классовые пролетарские ядра»), инициирующие хозяйственно-экономическое и социально-культурное развитие всей прилегающей территории. В проектах районной планировки начала 1930-х гг. соцгорода рассматривались (в рамках единых территориально-производственных комплексов) в транспортной взаимосвязи с другими по-

селениями, а также с ареалами ресурсодобычи и прилегавшими сельскохозяйственными территориями.

Исследование раскрывает два представления о районной планировке, существовавших в рассматриваемый период в градостроительной политике. *В первом*, районная планировка трактовалась как установление оптимального списка взаимосвязанных «функций», т. е. определение состава взаимообуславливающих друг друга: а) типологии и мощности конкретных производственных объектов, предполагаемых к возведению в данном месте, а также сопутствующих предприятий; б) объектов энергетического хозяйства; в) селитебных образований для размещения необходимых трудовых ресурсов; г) пригородных территорий сельскохозяйственного профиля; д) сырьевых баз; е) транспортной инфраструктуры; ж) сетей обслуживания. *Во втором* – как наделение каждой из этих «функций» конкретными площадями, необходимыми для их полноценной реализации (так называемое «целевое землеустройство»). В этих трактовках противоречия не было. Они взаимно дополняли друг друга и были направлены на формирование новых «планировочных районов» – базиса новой структуры расселения.

Система расселения предусматривала два вида объединения промышленных предприятий и поселений при них в общую районную планировку: 1) для крупных районов – соцгородов с соседними рабочими поселками, располагавшимися при обособленных градообразующих предприятиях (промышленных объектах, электростанциях, железнодорожных станциях, портах, шахтах, рудниках и проч.) с учетом сосредоточения технических культур, направлений и характера путей сообщения (железнодорожного, водного, авто- транспорта), а также численности и национального состава населения; 2) для мелких районов – на основе сельскохозяйственных поселений, тяготевших к местам расположения машинно-тракторных станций (МТС), выступавших по отношению к прилегавшим сельскохозяйственным территориям в роли «пролетарских ядер» и выполнявших функции центров распределительной системы и товарообмена.

Исследование установило, что концепция соцрасселения утверждала безусловный приоритет промышленно-индустриального развития поселений, трактуя город, прежде всего, как производственный центр. Исходя из этого, она рассматривала поселения-новостройки как «промышленно-селитебно-энергетические центры», требуя внутреннюю планировку соцгорода осуществлять таким образом, чтобы обеспечивать приоритетное

«развитие и организацию промышленности во всех ее видах». Как следствие, в качестве «градообразующих» выступали: 1) заводы и фабрики, имевшие областное или государственное значение; 2) районные электростанции, а также сооружения связи государственного значения (например, радиостанции, узловые телеграфные станции и т. п.); 3) крупные сооружения военного назначения; 4) правительственные учреждения края или республики; 5) крупные железнодорожные станции, речные, морские и воздушные порты; 6) склады государственного значения (например, элеваторы экспортного хлеба или государственные скотобойни), поскольку соцгорода в системе районной планировки выполняли роль главных распределительных (логистических, как сказали бы сейчас) пунктов для транзитных грузов, потоков сельскохозяйственной продукции и сырья, следовавших от мест добычи к расположенному здесь производству.

Другая категория сооружений, которые должны были возводиться в соцгородах, предназначалась для удовлетворения основных потребностей городского населения (они так именовались – «обслуживающие»). К ним относились все коммунальные сооружения (водопровод, канализация, трамваи, местные скотобойни, бани и проч.), административные, лечебные и учебные заведения местного значения, торговые и складские помещения местного потребления и проч., а также фабрично-заводские предприятия местного значения, городские электрические и телефонные станции и т. п.

Проведенное исследование выявило важную общегосударственную организационно-управленческую функцию, которую концепция соцрасселения предписывала осуществлять соцгородам – объединяемые производственно-хозяйственными связями с прилегающими к ним «непролетарскими» зонами в единые территориально-производственные системы, соцгорода очерчивали ареалы мобилизационно-политического членения территории, выступая костяком не только трудовых, но и военных подразделений, формируемых из местного населения в случае необходимости.

Осуществленное в ходе исследования выявление и систематический анализ декретов, постановлений и нормативных документов 1920–1930-х гг. (ЦИК и СНК СССР, ВЦИК и СНК РСФСР, СТО, ЭКОСО, НКВД и др.) показал, что особенностью градостроительной политики периода индустриализации было то, что она материализовала концепцию соцрасселения не только в конкретных проектах планировок соцгородов, но и в законодательных формах.

Впервые принципы проектирования соцгородов в виде планировочных нормативов были изложены в Инструкции НКВД за № 184 от 28 мая 1928 г. Инструкция уникальна тем, что являлась, фактически, последним из советских градостроительных документов, в котором одновременно присутствовали положения двух принципиально разных архитектурно-градостроительных концепций: а) города-сада (автономного самоуправляемого поселения); б) соцгорода (поселения при промышленности).

В диссертации содержание Инструкции подробно прокомментировано. Доказано, что группы нормативов, содержащиеся в Инструкции, отражали две принципиально различные тенденции, существовавшие в этот момент в комплексе концептуально-теоретических воззрений советского градостроительства. *Первая* выражала подход к проектированию поселений, основанный на учете широкого спектра особенностей конкретной территории: а) сложившегося уклада деятельности, б) культуры, в) быта населения, г) общественных форм самоуправления и т. п. *Вторая* – подход, основанный на приоритете промышленно-индустриальных механизмов возникновения, существования и развития городов, финансового и материального обеспечения, распределяемого через наркоматы, а также на основе принципов партийно-государственного управления территориями и т. п.

В тексте диссертации проведен анализ Инструкции, который выявил, что эти группы нормативов были противоположны друг другу как по идеологической направленности, так и по содержанию. Первая все еще продолжала традицию градостроительного проектирования, восходившую к уже отвергнутой идее самоуправляющегося города-сада. А вторая несла базовые постулаты концепции соцрасселения, задававшие свод писанных и неписанных заповедей проектирования генпланов соцгородов, основанных на рассмотрении селитьбы как своеобразного «вспомогательного объекта» при производстве. Эти постулаты были подчеркнута нейтральны ко всем особенностям места будущего города, кроме «технических» (геологических, климатических и проч.). Даже к такой традиционно важной для градостроительного проектирования характеристике, как рельеф, они оказывались «безразличными», так как площадка для возведения будущего промышленного комплекса и селитьбы при нем еще на предварительной стадии выбиралась максимально ровной.

Публичная дискуссия о соцрасселении, развернувшаяся в конце 1929–начале 1930 гг., была прервана постановлением ЦК ВКП (б) «О работе по перестройке быта». Логически выстроенные и последовательно

сформированные советскими архитекторами-теоретиками архитектурные и градостроительные идеи урбанизации и дезурбанизации, а также все прочие концептуальные предложения в отношении существовавших и будущих городов, излагавшиеся в дискуссии о соцрасселении, были отвергнуты, потому что одинаково не отвечали сформировавшейся к этому времени административно-управленческой и индустриальной стратегиям развития страны. В ходе исследования установлено, что к моменту стихийного развертывания дискуссии, в отношении целей, задач, направленности, содержания расселенческой, градостроительной, жилищной политики в партийно-правительственных кругах все было уже окончательно решено, более того, законодательно оформлено и даже, частично, нормативно закреплено: а) сверстаны списки промышленных новостроек; б) расписан бюджет на индустриальное строительство первой пятилетки; в) определена потребность в трудовых ресурсах и намечены планы ее поставки на новостройки; г) под эту численность выделены финансовые и материальные средства; д) сформулированы нормативные представления о распланировке соцпоселений; е) проектно разработана типология жилья.

Исследование доказало, что публичная дискуссия о соцрасселении оказалась не просто сильно запоздавшей, но и деструктивной по отношению к уже принятым решениям и той архитектурно-градостроительной политике, которая в этот период последовательно и неуклонно осуществлялась властью практически. Прежде всего потому, что отвлекала архитекторов и планировщиков от решения конкретных, текущих проектных задач, поставленных перед ними планом индустриализации. Кроме того, тезисы о разукрупнении городов, о концентрации населения понимались теоретиками-градостроителями с одной стороны, и партийно-государственными органами, с другой, совершенно по-разному. Поэтому власть и вынуждена была запретить концепции урбанизма и дезурбанизма, какими бы целостными, логически завершенными и последовательно выстроенными, с точки зрения градостроительства, они не являлись. Также оказалась окончательно отвергнутой и идея города-сада.

В диссертации констатируется, что расселенческая политика и, соответственно, работы по районной планировке в этот период основывались на требовании такого формирования «экономических районов», при котором их ядра – соцгорода, образовывали бы с прилегающими к ним сельскохозяйственными зонами единые территориально-производственные системы «город–деревня» и инициировали постоянный потребительско-

хозяйственный обмен: город снабжал деревню конкретным планово изготавливаемым ассортиментом промышленной продукции; деревня город – сельскохозяйственной продукцией в количестве, гарантирующем ее полное употребление. Процесс втягивания сельскохозяйственных территорий и проживающего на них крестьянского населения в сферу организационно-управленческого влияния создаваемых индустриальных центров, а, фактически, в снабженческую зависимость и административное подчинение им, трактовался как практическое исполнение теоретических постулатов о «стирании границ между городом и деревней».

Глава 5. Концепция соцгорода – базового элемента пространственной конструкции страны

Исследование показало, что теория соцгорода была предопределена характером плановой экономики и основывалась на принципе искусственного прикрепления к месту труда точно рассчитанных контингентов рабочей силы. Социалистические города являлись замкнутыми селитебными образованиями при промышленных предприятиях. Промышленный объект не только определял «смысл» существования соцгорода, но и, как правило, задавал его композицию, в частности, расположение общественного центра, ориентацию улиц как планировочное отображение основных направлений пешеходных путей от селитьбы к градообразующему предприятию, трассировку общественного транспорта, расположение зеленой зоны и т. п. Через соцгорода власть осуществляла: а) руководство единой общегосударственной системой производства; б) всеобщее плановое государственное распределение социальных благ между социально-трудовыми коллективами; в) трудо-мобилизационные мероприятия – перераспределение рабочей силы в масштабе всей страны и удержание ее на месте в целях использования для отправления всеобщей трудовой повинности; г) военно-мобилизационные мероприятия.

Удержание и фильтрация населения соцгородов осуществлялись за счет привязки пропиской, выдачи продовольственных карточек, медицинским обслуживанием по месту работы, обучением детей исключительно по месту проживания, предоставлением жилища из государственных фондов.

На основе собранной информации о более чем 30 соцгородах-новостройках первой пятилетки, сделан вывод о том, что единицей нормативных вычислений перспективного количества населения являлась специфическая расчетная единица – «рабочий». В итоге, соцгород должен был

иметь стабильные размеры и фиксированное количество населения, производное от количества рабочих мест на фабрике (заводе).

Градостроительная политика исходила из непреложного постулата о том, что население соцгорода — это трудящиеся и члены их семей (которые, согласно формулам расчета численности населения, также должны работать) плюс дети и старики.

«Жилище» и «социальное управление» в соцгороде были взаимоувязаны следующим образом: основным застройщиком жилища выступали, прежде всего, градообразующие предприятия (то есть те, из-за которых, собственно, и формировался населенный пункт, представлявший собой «селитьбу при производстве»). Именно они отвечали за размещение контингентов своих рабочих, планировали объемы и типологию жилищного строительства, получали для этого финансовые средства, застраивали и, как правило, содержали крупные фрагменты городской среды, а также элементы общегородской инфраструктуры (трамвай, котельные, энергетические подстанции, системы канализации и водоснабжения и проч.). Трудовые коллективы, вселяемые ведомствами в жилище, параллельно административному подчинению входили в зону ответственности территориальных партийных органов. Данное устройство системы административно-территориального и партийного руководства материализовалось в планировочной разбивке селитьбы на трехуровневую иерархическую структуру: жилой дом (жилой комплекс, дом-коммуна) — жилой квартал — жилой район.

Исследование, опираясь на анализ первоначальных генпланов соцгородов (1928–1929 гг.), а также на текстовые и иллюстративные материалы, извлеченные автором в архиве Баухауза (Дессау, Германия) из дел иностранных архитекторов, работавших в начале 1930-х гг. в СССР, показало, что они основывались на планировочной конструкции, выработанной в предшествовавший период и, по сути, представляли собой укрупненные рабочие поселки с численностью населения, возросшей с 1 500–3 000 чел. до 20 000–50 000 чел. Они являли собой единую центричную схему, композиционно ориентированную на градообразующий промышленный объект, с предзаводской площадью, на которой располагались управление градообразующего промпредприятия и здания органов местной власти. На первых порах никакого нового градостроительного качества в планировке соцгородов в отличие от соцпоселков не присутствовало.

Изменения в подходе к проектированию возникли лишь с ростом мощности градообразующего промышленного объекта и с усложнением промышленной технологии, когда вместо одного завода начал формироваться целый комплекс технологически связанных производств. Возникли вопросы, раньше отсутствовавшие из-за небольшой численности населения рабочего поселения и его незначительных размеров. Например, вопросы расположения центра (центров), характера членения единой структуры города на составные элементы, способа организации водопроводной и канализационной сетей (от единого источника, нескольких локальных и т. п.), транспортной доступности (от места жительства до места работы). Так, например, при росте расчетной численности населения соцгородов до 80 000 – 120 000 и даже 300 000 чел. необходимость обеспечения пешеходной доступности становилась фактором, способным нарушить работу завода, потому что в условиях отсутствия общественного транспорта и недостаточного количества транспорта служебного время, необходимое для того, чтобы добраться до работы от периферии разраставшейся селитьбы, занимало более 2,5–3,5 часов.

С 1929–1930 гг. советское градостроительство начинает решать планировочные задачи, основываясь на четком и строгом законодательно-нормативном членении территории соцгорода на иерархически соподчиненные планировочные единицы: кварталы, а также районы, представлявшие собой крупные планировочные объединения нескольких кварталов в единое целое. Первичным элементом городской ткани в этот период являлся дом-коммуна (жилой комбинат).

Впервые извлечены из нормативной и практико-методической литературы, а также из периодической печати изучаемого периода, систематизированы и обобщены документы и визуальный материал по структуре жилого фонда поселений-новостроек периода первой пятилетки. Их анализ, а также изучение программ на проектирование, обнаруженных автором в архивах, в сопоставлении с реальным положением дел на новостройках первой пятилетки, зафиксированных в различного рода отчетах того времени, позволили выявить типологию жилища в соцгородах. Процентное соотношение основных типов жилья в конце 1920-х – начале 1930-х гг. сохранялось в виде, характерном для рабочих поселков: а) жилье для высшего начальства (отдельно-стоящие или блокированные дома для одной семьи, группировавшиеся в отдельную обособленную зону) – 2–5 % жилого фонда; б) жилье покомнатно-посемейного заселения для иностранных и

отечественных технических специалистов и семей руководителей среднего уровня (1–2-х этажные многоквартирные деревянные или суррогатные дома, гостиницы) – 10–15 %; в) жилье для основной части рабочих и служащих (капитальный и временных жилой фонд: 3–4 этажные секционные дома коммунального заселения, общежития, бараки) – 80–85 % жилого фонда.

В работе выявлено, что специфика планировки соцгорода также определялась тем, что в нее был заложен совершенно иной механизм жизнеобеспечения, возникший вследствие ликвидации прежних форм, существовавших в капиталистических городах: а) свободной мелкой частной торговли; б) мелкого бизнеса бытовых услуг; в) частных видов транспорта; г) индивидуального предпринимательства в сфере досуга и отдыха и т. п. Взамен этого была сформирована всеохватывающая и многофакторная распределительная система. Это поставило перед градостроителями необходимость выработки правил рационального размещения на территории города объектов распределительной системы и их связи с жилищем, т. е. расчетного определения нормативных показателей «удовлетворенности» бытовых нужд населения. В разработке числовых параметров «достаточного минимума» количества и мощности объектов обслуживания в полной мере проявило себя требование экономии. Это, в конечном счете, привело к тому, что городская среда перестала быть саморазвивающейся самодеятельной субстанцией, воплощавшей изменение потребностей и отражавшей инициативы населения. Соцгород создавался как искусственно формируемый продукт нормативного регулирования и распределения свыше.

Система сетевого обслуживания соцгорода, разработанная в рамках советского градостроительного нормирования, была направлена на обеспечение жизненно необходимого минимума хозяйственного и культурного снабжения. Она формировалась в виде сетей: а) жилищ (общежития, гостиницы, коммунальные и индивидуальные квартиры); б) питания («центральный пищевой комбинат», фабрика-кухня, столовые-распределители на предприятиях, в учреждениях и жилых комбинатах, территориальные столовые); в) санитарно-гигиенического обслуживания; г) связи (почта, телеграф, радио); д) санитарно-технического обслуживания; е) распределителей продуктов широкого потребления; ж) социалистического воспитания, детского дошкольного обслуживания; з) политехнического обучения (школы I и II ступеней, ремесленные школы, учебно-производственные мастерские, «фабзавы-втузы», вузы); и) культурного и общественно-политического обслуживания; к) физкультурного обслуживания (квар-

тальные спортивные площадки и площадки при комбинатах, квартальные – при школах и втузах, районные стадионы и стадионы при градообразующих предприятиях, центральный стадион с Дворцом физкультуры, общегородской физкультурный центр для объединения и направления всей работы); л) медицинского обслуживания (фельдшерские пункты, диспансеры, больницы, санатории, курорты).

Соцгород имел строгую иерархию общественных пространств: 1) общегородской центр с главной площадью (с расположением на ней важнейших городских объектов советского, партийного, социально-культурного назначения); 2) центры планировочных элементов жилой зоны с второстепенными площадями; 3) внутриквартальные (дворовые) общественные пространства (с расположением на них агитационно-спортивных сооружений); 4) придомовые «пространства», размещавшиеся в специально отводимых для этого помещениях первых этажей или в приспособляемых квартирах. Он включал также систему зеленых зон (поясов, коридоров и т. п.), состоявшую из двух частей: 1) внутренние – парки, скверы, бульвары и проч.; 2) внешние – окружавшие город и выполнявшие роль «фильтров-разрывов» между селитьбой и промышленной зоной, а также функцию мест неорганизованного пригородного отдыха и рекреации.

Советская расселенческая доктрина рассматривала соцгорода как элементы государственного управления населением в структуре централизованной власти.

Заключение

1. В результате проведенного исследования решена важная историко-теоретическая проблема – на историческом материале выявлены ключевые этапы существования и механизмы смены государством основных архитектурно-градостроительных концепций массовой проектной деятельности. В частности, исследование показало, что на протяжении всего рассматриваемого периода архитектурно-градостроительные вопросы были важной составляющей политической и идеологической программ государственной власти. Однако содержание этих программ конфликтно не совпадало с профессиональными знаниями и системой ценностей архитектурного сообщества, которое крайне трудно и постепенно перестраивалось под решение выдвигаемых перед ним задач. На раннем этапе это проявилось в трансформации идеи города-сада под задачи социального управления, что

привело к формированию доктрины советского рабочего поселка; позднее – в дискуссии о соцрасселении к различным трактовкам идеи «обобществления» быта и, наконец, в кристаллизации концепции соцгорода – ключевого явления советской архитектурно-градостроительной и расселенческой политики, сформировавшейся в рассматриваемый период, а затем долгие годы существовавшей, практически, в неизменном виде.

2. В работе выявлено, что содержание концепции города-сада заключалось в нововведениях социально-организационного и финансово-экономического порядка, обеспечивавших самоорганизацию представителей малоимущих слоев населения для обретения в частную собственность жилища, а не в обилии зелени или живописности планировки, как это часто пытались представить исследователи данного градостроительного феномена. Именно это содержание предопределяло выбор оптимальной численности населения, типологию домостроений, характер распределения (баланс) территории, функциональный состав объектов обслуживания, формы взаимосвязи селитьбы с промышленным производством, характер инженерного оборудования территории и домостроений, формы самоуправления и собственности на землю и недвижимость и т. п.

3. Установлено, что советский рабочий поселок кардинально отличался от города-сада, несмотря на имевшие место внешние совпадения в отношении численности населения, баланса распределения территории, живописной планировки и т. п., прежде всего тем, что город-сад создавал экономические основы массового строительства частого жилища и формировал общественное самоуправление, а социалистический рабочий поселок, в противоположность этому, являлся исключительно государственной (государственно-ведомственной) формой владения, распределения и распоряжения жилым фондом и территорией.

4. Проведенный анализ выявил, что административно-территориальное районирование конца 1920-х гг. и следовавшая за ним концепция социалистического расселения призваны были заменить прежнюю «рыхлую» территориальную структуру, состоявшую из автономных самодостаточных, самоуправляемых административно-территориальных образований, на новую – иерархическую, общегосударственную управленческую структуру, обеспечивавшую превращение страны в единый производственный механизм. Для этого вся территория государства расчленялась на хозяйственно-территориальные единицы с самодостаточным производственным циклом, по возможности, соразмерные друг с другом по

количеству населения. Эти единицы, именовавшиеся «хозяйственно-экономическими районами», обладали: а) промышленно-пролетарским «ядром»; б) зоной размещения населения, привязанного к производству (промышленному и сельскохозяйственному); в) сырьевыми ареалами; г) транспортными структурами, обслуживавшими производство; д) распределительной системой. Новое районирование решало задачу «сжатия пространства» за счет связи посредством общей системы транспорта мест размещения промышленных предприятий, включаемых в единые общегосударственные «производственно-технологические цепочки».

5. В исследовании раскрыто содержание концепции соцрасселения, трактовавшей пространственное перераспределение населения по территории страны как наполнение программы индустриализации необходимой рабочей силой. Она задавала «правила» расчленения территории государства на административные единицы, способные обеспечивать реализацию закрепленного за ними фрагмента общегосударственного процесса производства и распределения продукции; а также поддержание повседневного существования населения, включенного в этот процесс. Ее главной задачей являлось создание новых форм расселения в фокусах формируемого пространственно-производственного каркаса. Эти места целенаправленно превращались в новые административные центры – ядра создававшихся промышленных (хозяйственно-экономических) районов. В рамках архитектурно-градостроительной и расселенческой политики использование планировочных структур как средства градостроительного оформления трудовой мобилизационной (на постоянной основе) и военно-мобилизационной (при возникновении соответствующей потребности) организации населения, являлось основополагающим принципом.

6. Исследование раскрыло фундаментальные положения концепции соцгорода, согласно которой он трактовался как единое административно-производственно-селитебное образование, состоявшее из людей, работавших на градообразующем промышленном предприятии, а также членов их семей. Последние, согласно концепции соцрасселения, в обязательном порядке должны быть заняты в общественно-полезном труде – либо также трудиться на промышленном предприятии, либо быть трудоустроены в системе административного, технического, культурно-бытового обслуживания; либо учиться. Именно поэтому в городах-новостройках как проектирование, так и строительство жилья (а также сооружений системы обслуживания) было законодательно превращено в прерогативу ВСНХ и нарко-

матов, осуществлявших строительство градообразующих промышленных предприятий. Оно включалось в производственно-финансовые планы промышленного строительства ВСНХ, проектировалось силами организаций, занимавшихся промышленным строительством, проходило экспертизу и утверждалось ВСНХ и т. д. Как следствие, соцгород формировался не как «гражданское сообщество», а исключительно как «пролетарский центр». Любые попытки архитекторов и местных властей рассматривать соцгорода не как «поселения при производственных комбинатах», а в более широком административно-социальном контексте – как будущие райцентры крупного культурного, аграрного, образовательного значения, критиковались и категорически отвергались государственными плановыми и партийными органами.

7. Исследование доказало, что архитектурно-градостроительная политика являлась прямым следствием государственного планирования мощностей возводимых промышленных предприятий. Это выражалось в том, что за основную единицу нормативных вычислений общего количества населения соцгорода (и как следствие, объемов необходимого жилого фонда и сооружений обслуживания) принимался особый расчетный показатель – «рабочий градообразующего промышленного предприятия». Отдельно подсчитывать количество рабочих, занятых в сфере городского обслуживания, уже не требовалось, так как в «градообслуживающей» сфере призвана была трудиться «вторая половина семей» рабочих градообразующих предприятий – их жены. Прочая работоспособная часть населения (подростки и молодежь) распределялась примерно поровну на объекты градообразующей и градообслуживающей базы. Этот метод получил название «трудового баланса» и стал базовым для всех без исключения градостроительных расчетов.

8. В результате проведенного исследования установлено, что говардовские города-сады, социалистические рабочие поселки и соцгорода различались типологией жилого фонда. В городах-садах жилье представляло собой индивидуальные дома коттеджного типа для отдельной семьи с приусадебными участками. В соцпоселках – общежития и рабочие казармы для основной массы населения и отдельностоящие дома для руководства и технических специалистов, как правило, с индивидуальными земельными участками. В соцгородах – подавляющий объем жилья составлял многоквартирный жилой фонд с покомнатно-посемейным заселением коммунального типа с дворовыми пространствами, предназначенными для сосед-

ского общения, отдыха, занятий спортом, культурно-массовых мероприятий по месту жительства и проч. Кроме того, жилой фонд соцгородов включал коттеджи и двухэтажные 1–2 подъездные дома для высшего административного, технического и партийного руководства, сгруппированные в обособленные поселки. До середины 1930-х гг. в соцгородах капитальное строительство являлось исключением, несшим в большей степени поощрительно-пропагандистский смысл, нежели преследовавшее цели наделения основной массы населения сносными условиями существования.

9. Диссертация выделила четыре содержательных этапа процесса формирования и смены архитектурно-градостроительных концепций в период с 1917 до середины 1930-х гг., отличавшихся друг от друга теоретической направленностью, идеологической ориентацией, нормативно-законодательным обеспечением и практическим воплощением.

Этап 1917–1922 гг. – период интенсивных попыток реализовать в новых социальных условиях послереволюционной России идею города-сада, показавшую себя на Западе эффективным средством разрешения жилищной нужды и воплотить в новых социальных условиях и на основе финансовых и организационных возможностей нового государственного строя главное содержание идеи Э. Говарда – общественную собственность на землю и коллективные формы управления процессами градоустройства и текущей эксплуатации поселений.

Этап 1922–1929 гг. – концептуальная и практическая отработка принципов проектирования рабочих поселков, возводившихся наркоматами недалеко от восстанавливаемых промышленных предприятий. Формирование теоретических и нормативных основ проектирования «поселков-садов для рабочих» шло по пути «исправления ошибок» говардовской доктрины – спрямление живописно трассированных улиц для сокращения протяженности инженерных сетей, членением селитьбы на равные прямоугольники «застрочных кварталов», отказ от индивидуальной застройки в пользу многоквартирной, коммунального типа и т. п. Поселения утрачивали приставку «сад» и начинали устойчиво именоваться «советскими рабочими поселками».

Этап 1929–1930 гг. – краткосрочный период теоретических споров и дискуссий о концепции социалистического расселения – стратегии формирования нового пространственного каркаса страны. Дискуссия являлась ответом архитектурного сообщества на вопрос, который с первых дней

своего существования ставила советская власть – о формировании структуры управления территориями, соответствующей природе пролетарского государства. В этот период были наиболее четко сформулированы и противопоставлены друг другу два направления формирования промышленно-расселенческого каркаса страны: «урбанизация» и «дезурбанизация». Власть отвергла оба направления, потому что они оказались одинаково неверными в отношении уже принятой программы индустриализации и, как следствие, ненужными с позиций государственной градостроительной политики.

Этап 1930 –1934 гг. – градостроительная политика направлена на обеспечение реализации программы индустриализации и неразрывно связана с осуществлением других общегосударственных программ: а) коллективизации; б) миграционной; в) жилищной и др. Подобная направленность привела к поглощению задач развития городов задачами развития производства, в результате чего город стал и теоретически трактоваться, и практически возводиться, исключительно как поселение при производстве, не обладающее ни самостоятельной социокультурной значимостью, ни автономным потенциалом саморазвития.

10. В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что авторы планировок соцгородов и проектов конкретных построек не способны были влиять на типологию жилой архитектуры или параметры генплана, поскольку выбор фундаментального содержания архитектуры и градостроительства: характера структурирования поселения на части, определения структуры жилого фонда, формирования системы общественных пространств, выбор функционального состава объектов обслуживания, способ заселения квартир и домов, установление количества квадратных метров жилья, предназначавшихся человеку (или семье) и даже стилистика архитектуры, фактически, лежали вне их компетенции. Все это задавалось свыше через предписания программ проектирования, постановления о лимитах стоимости квадратного метра жилья и ограничениях использования определенных видов строительных материалов и конструкций, указания на обращение к тем или иным образным прототипам и т. п.

Архитекторам-проектировщикам уже в готовом виде задавались: места размещения промышленных предприятий и градостроительные принципы формирования селитьбы при них; расчетная численность населения соцгородов; показатели баланса территории; плотность застройки; вид планировочной структуры (строчная, периметральная, регулярная, живо-

писная); иерархия планировочных единиц; состав объектов обслуживания, их вместимость, уровень инженерного оборудования территории; ориентация пешеходных связей; количество озеленения; виды городского транспорта и проч. Все перечисленные выше параметры внедрялись в повседневную практику проектирования в прямой форме – через нормативные предписания, и в косвенной форме – через образцы проектных решений, вырабатываемых как непосредственно в ходе проектирования, так и на специально организуемых конкурсах, результаты которых популяризовались затем через архитектурные журналы.

Ускоренная реализация планов индустриализации (промышленно-транспортного освоения новых территорий и зон ресурсодобычи), поспешное воплощение концепции соцрасселения, особенно в период первой пятилетки, сформировало такую архитектурно-градостроительную политику, в рамках которой архитекторы оказывались отстраненными от решения огромного количества вопросов, предопределявших качество среды обитания.

Список публикаций, в которых изложены основные положения диссертации

Монографии:

1. Меерович, М.Г. Биография профессии. Очерки истории государственной организации профессии архитектора в СССР 1917-1941 гг. / М.Г. Меерович. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2002. – 211 с. (9,6 п.л.).

2. Меерович, М.Г. Рождение соцгорода: градостроительная политика в СССР. 1926-1932 гг. (концепция социалистического расселения – формирование населенных мест нового типа). / М.Г. Меерович. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2008. – 472 с. (21,5 п.л.).

3. Меерович, М. Г., Конышева, Е. В., Хмельницкий, Д. С. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928—1932 гг.) / М. Г. Меерович, Е. В. Конышева, Д. С. Хмельницкий. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 270 с.: ил. — (История сталинизма), (авт. – 4,1 п.л.)

4. Конышева, Е. В., Меерович, М. Г. Эрнст Май и проектирование соцгородов в годы первых пятилеток (на примере Магнитогорска). / Е. В. Конышева, М. Г. Меерович. – М.: ЛЕНАНД, 2010 – 224 с. (авт. - 7,0 п.л.).

5. Konyševa, E., Meerovič, M. «Linkes Ufer, rechtes Ufer» Ernst May und die Planungsgeschichte von Magnitogorsk 1930 – 1933) / Mark Meerovič,

Evgenija Konyševa. – Berlin, 2013. – 254 с. (на немецком языке). (авт.- 5,7 п.л.)

6. Меерович, М.Г. Социалистический город: формирование городских общностей и советская жилищная политика в 1930-е гг. / М. Г. Меерович. // Советская социальная политика 1920-1930-х годов: идеология и повседневность. М.: ООО «Вариант», ЦГСПИ, 2007. – 432 с., С. 84-117. (раздел коллективной монографии; авт. – 1,2 п.л.).

7. Меерович, М.Г. Социалистическое расселение: теория и практика / М.Г. Меерович. // Город в зеркале генплана: панорама градостроительных проектов в российской провинции XVIII – начала XXI веков; под ред. Е.В.Конышевой, С.А. Баканова, Л.В. Никитина. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2008. – 409 с.; ил., – С. 82-109; (раздел коллективной монографии; авт. - 1,2 п.л.);

8. Меерович, М.Г. Социалистический город – уникальный тип градостроительной системы в условиях советской государственности / М.Г. Меерович. // Город в зеркале генплана: панорама градостроительных проектов в российской провинции XVIII – начала XXI веков; под ред. Е.В.Конышевой, С.А. Баканова, Л.В. Никитина. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2008. – 409 с.; ил., – С. 110-156. (раздел коллективной монографии; авт. - 2,1 п.л.)

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК:

9. Меерович, М.Г. Соцгород – базовая концепция градостроительной политики в СССР в 1926-1930 гг. / М.Г. Меерович // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия Строительство и архитектура. – 2005. – № 5 (17) – С. 203-211. (0,4 п.л.).

10. Меерович, М.Г. Города-сады в Западной Сибири (градостроительная политика России в конце XIX – начале XX в.) / М.Г. Меерович // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2005. – № 6 (51). – С. 128-132. (0,4 п.л.).

11. Меерович М.Г., Хмельницкий, Д.С. Иностранные архитекторы в России (исторические зарисовки о роли зарубежных архитекторов в советской архитектуре) / М.Г. Меерович, Д.С. Хмельницкий // Вестник Иркутского Государственного технического университета. – 2005. – № 3 (23). – Т.2. – С. 54-61. (авт. – 0,4 п.л.).

12. Меерович, М.Г. Города-сады в Сибири в конце XIX – начале XX вв. / М.Г. Меерович // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2006. – № 1. – С. 228-233. (0,4 п.л.)

13. Меерович М.Г. Расселенческая доктрина России. Исторические предпосылки и перспективы / М.Г. Меерович // Архитектура. Строительство. Дизайн. – 2006. – № 2 (54). – С. 4-7. (0,8 п.л.)

14. Меерович, М.Г. Государственная градостроительная политика в России. Концепция соцрасселения (1917-1930-е гг.) / М.Г. Меерович // Вестник Воронежского государственного университета – 2006. – № 1. – С. 95-113. (0,8 п.л.).

15. Меерович М.Г. Альберт Кан в истории советской индустриализации [Электронный ресурс] / М.Г. Меерович // Архитектон : известия вузов (электрон. журн.) / Урал. гос. архитектур.-худож. акад. – Екатеринбург, 2009. – № 26. – Режим доступа: http://archvuz.ru/numbers/2009_2/ia1. (0,8 п.л.).

16. Меерович М.Г. Идея города-сада Э. Говарда и советские рабочие поселки-сады / М.Г. Меерович // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета – 2009. – № 4 (25). – С. 46-50. (0,5 п.л.).

17. Меерович М.Г. Соцгород – базовое понятие советской градостроительной теории первых пятилеток / М.Г. Меерович // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета – 2009. – № 4 (25). – С. 50-56. (0,5 п.л.).

18. Конышева, Е.В., Меерович, М.Г. «Берег левый, берег правый»: Эрнст Май и открытые вопросы истории советской архитектуры (на примере проектирования соцгорода Магнитогорска) [Электронный ресурс] / Е.В.Конышева, М.Г. Меерович // Архитектон : известия вузов (электрон. журн.) / Урал. гос. архитектур.-худож. акад. – Екатеринбург, 2010. – № 30. - Режим доступа: http://archvuz.ru/numbers/2010_2/018?portal_status_message=Changes%20saved. (авторские 0,9 п.л.).

19. Меерович, М.Г. Типология массового жилища соцгородов-новостроек 1920-1930-х гг. [Электронный ресурс] / М.Г. Меерович // Архитектон : известия вузов (электрон. журн.) / Урал. гос. архитектур.-худож. акад. – Екатеринбург, 2010. – № 31. – Режим доступа: http://archvuz.ru/numbers/2010_3/012. (2,0 п.л.).

20. Меерович, М.Г. На острие схватки титанов [Электронный ресурс] / М.Г. Меерович // Архитектон : известия вузов (электрон. журн.) / Урал. гос. архитектур.-худож. акад. – Екатеринбург, 2011. – №1 (33). – Режим доступа: http://archvuz.ru/numbers/2011_1/01. (1,0 п.л.).

21. Меерович, М.Г. Анатолий Фисенко и Альберт Кан / М.Г. Меерович // Промышленное и гражданское строительство – 2011. – № 4. – С. 61-64. (0,4 п.л.).

22. Меерович, М.Г. Эрнст Май: «Рациональное» жилье для России [Электронный ресурс] / М.Г. Меерович // Архитектон : известия вузов (электрон. журн.) / Урал. гос. архитектур.-худож. акад. – Екатеринбург, 2011. – №4 (36). – Режим доступа: http://archvuz.ru/2011_4/14. (0,4 п.л.).

23. Меерович М.Г., Конышева Е.В., Флирль Т. Эрнст Май в СССР истории советской индустриализации // Вестник ИрГТУ – 2011. – №7. – С. 230-238. (авт. 0,17 п.л.).

24. Меерович, М.Г. Урбанизм или дезурбанизм? Дискуссия о будущем советских городов. [Электронный ресурс] / М.Г. Меерович // Архитектон : известия вузов (электрон. журн.) / Урал. гос. архитектур.-худож. акад. – Екатеринбург, 2012. – №1 (37). – Режим доступа: http://archvuz.ru/2012_1/13. (0,6 п.л.).

25. Меерович, М.Г., Конышева, Е.В., Флирль, Т. Критика деятельности Эрнста Мая в СССР [Электронный ресурс] / Е.В. Конышева, М.Г. Меерович, Т. Флирль // Архитектон : известия вузов (электрон. журн.) / Урал. гос. архитектур.-худож. акад. – Екатеринбург, 2012. – №1 (37). – Режим доступа: http://archvuz.ru/2012_1/12. (авт. 0,6 п.л.)

26. Меерович, М.Г. Раздробленное проектирование (письмо Эрнста Мая Иосифу Сталину) [Электронный ресурс] / М.Г. Меерович // Архитектон : известия вузов (электрон. журн.) / Урал. гос. архитектур.-худож. акад. – Екатеринбург, 2012. – № 2 (38). – Режим доступа: http://archvuz.ru/2012_2/11. (0,9 п.л.).

27. Меерович, М.Г. Промышленное районирование в СССР в начальный период индустриализации / М.Г. Меерович // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета – 2013. – № 3. –С. 132-139. (0,4 п.л.).

28. Меерович, М.Г. Дискуссия о соцрасселении. Новые материалы. / М.Г. Меерович // Архитектурное наследство. Вып. 58 / Отв. Ред. И. А. Бондаренко. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ» – 2013. – С. 262-280. (0,8 п.л.).

29. Меерович, М.Г. Методология ускоренного градостроительного проектирования Э. Мая / М.Г. Меерович // Архитектурное наследство / отв. ред. И.А. Бондаренко. Вып. 59. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ» – 2013. –С. 141-172. (1,4 п.л.).

30. Меерович, М.Г. Расселение в СССР в начальный период индустриализации / М.Г. Меерович // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета – 2014. – № 1. – С. 31-37. (0,2 п.л.)

31. Меерович, М.Г. Жилищная политика СССР как средство социального управления (1917-1941 гг.) / М.Г. Меерович // Социологические исследования – 2014. – № 1. – С. 95–100. (0,23 п.л.)

32. Меерович, М.Г. Районная планировка в контексте программы индустриализации: первая половина 1930-х гг. - начальный этап работ по промышленному районированию и расселению / М. Г. Меерович // Вестник Пермского государственного университета: серия «История» – 2014. – Выпуск 2 (25). – С. 101-122. (0,2 п.л.)

33. Меерович, М.Г. Уникальность урбанизации в СССР / М.Г. Меерович // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2015. – № 2 (49). – С. 9-16. (0,2 п.л.)

**Статьи по тематике исследования, опубликованные в материалах все-
союзных, всероссийских и международных конференций и симпозиу-
мов, сборниках статей:**

34. Меерович, М.Г. С точностью до наоборот: советская градостроительная политика, как «другая» / М.Г. Меерович / Россия и современный мир: проблемы политического развития. Материалы 1 межвузовской научной конференции. Москва. 14-16 апреля. 2005 / Под ред. Д.В.Васильева. М.: Институт Бизнеса и Политики. – 270 с., С. 148-153. (0,4 п.л.).

35. Меерович, М.Г. Концепция соцрасселения и освоение сырьевых регионов (задачи молодым исследователям) / М.Г. Меерович / Пути совершенствования архитектурно-художественного образования в Сибири: Материалы научно-практической конференции (Новосибирск, 2005). – Новосибирск: 2005. – 179 с., С. 148-150. (0,2 п.л.).

36. Меерович, М.Г. Дискуссия о социалистическом расселении (1929-1930 гг.) – выбор нового пути управления городами в СССР / М.Г. Меерович / Архитектурно-художественные проблемы Сибири: наука, практика, образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 2006) Под. ред. Е.Н.Лихачева. – Новосибирск: типография «Maker», 2006. – 182 с., С. 146-150. (0,2 п.л.).

37. Меерович, М.Г., Хмельницкий, Д.С. Официальное и неофициальное градостроительство в СССР (1928-1932 гг.) / М.Г. Меерович, Д.С. Хмельницкий / Архитектурно-художественные проблемы Сибири: наука, практика, образование. Материалы Всероссийской научно-практической

конференции (Новосибирск, 2006) Под. ред. Е.Н.Лихачева. – Новосибирск: типография «Maker», 2006. – 182 с., С. 151-154. (авт. – 0,3 п.л.).

38. Меерович, М.Г. Концепция социалистического расселения и современное градостроительное обеспечение национальных программ и проектов / М.Г. Меерович / Россия XXI века: пути и перспективы развития / Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции. 2007. – 234 с., С. 148-153. (0,8 п.л.).

39. Меерович, М.Г. «Официальное» и «неофициальное» градостроительство (теоретико-методологические проблемы изучения истории соцгородов и соцрасселения) / М.Г. Меерович / Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография. Материалы VII Всероссийского научного симпозиума (Омск, 23-24 октября 2008 г.) / ред. Д.А.Алисов, Н.А.Томилов. - Омск: Изд-во ОмГПУ: Изд. дом «Наука», 2008. С. 30-32. (0,4 п.л.).

40. Меерович, М.Г. Социалистическое расселение (исторические основания современных проблем) / М.Г. Меерович / «Региональные архитектурно-художественные школы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 2008) – Под ред. Е.Н.Лихачева Новосибирск: типография Сибпринт, 2008. – 198 с., С. 124-126. (0,2 п.л.).

41. Меерович, М.Г. Принудительное комплектование населения соцгородов / М.Г. Меерович / Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации: сборник материалов международной научной конференции. Магнитогорск. 10-11 декабря 2010 г. / Под ред. Н.Н. Макаровой, Н.С. Фроловой. – Магнитогорск: МаГУ, 2010 – 382 с., С. 136-159. (0,9 п.л.).

42. Меерович, М.Г. Административно-хозяйственное районирование страны в 1920-1930-х годах – основа градостроительной политики советского государства / М.Г. Меерович / Советское градостроительство 1920-1930-х годов: Новые исследования и материалы / Сост. и отв. ред. Ю.Л.Косенкова. - М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2010. – 384 с., С. 8-28. (2,4 п.л.).

Учебно-методические работы:

43. Меерович, М.Г. Социальные основы архитектурно-градостроительного проектирования. История государственной организации профессии архитектора в СССР 1917-1941 гг.: учебное пособие / М.Г. Меерович. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2002. – 117 с. (5,3 п.л.).

Список НИР по теме исследования

44. Основы теории соцгорода: советское градостроительство в период первых пятилеток (финансово-экономический, социально-

политический и организационно-управленческий аспекты) : отчет по НИР/ Филиал ФГБУ "ЦНИИП Минстроя России" Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства ; рук. М.Г. Меерович – Москва, 2015. – 222 с. – № ГР 1.2.30 (10 п.л.).

45. Методология ускоренного проектирования генеральных планов соцгородов-новостроек в период первых пятилеток : отчет НИР / Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства РААСН ; рук. М.Г. Меерович – Москва, 2012. – 306 с. – № ГР № 1.1.3 (13,9 п.л.).

46. Территориальное планирование координированного развития функционально-пространственной структуры контактно-расположенных поселений (агломераций) в местах узловой концентрации населения : отчет НИР / Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства РААСН ; рук. М.Г. Меерович – Москва, 2012. – 90 с. – № ГР № 1.1.2 (4,0 п.л.).

47. Разработка градостроительных принципов координированного развития функционально-пространственной структуры контактно-расположенных городов: агломерации в системе расселения современной России : отчет НИР / Грант Российского Фонда Фундаментальных Исследований ; рук. М.Г. Меерович; исп.: Лидин К.Л., Коркин И.А., Лисицин В.Г., Потапова А.В. – Иркутск, 2010. – 129 с. – № ГР 09-06-13520-офи_ц (авт. 3,4 п.л.)

48. Агломерации: расселенческая доктрина в России сегодня и 100 лет назад (учет исторического опыта при принятии современных решений) : отчет НИР / Грант Российского Гуманитарного Научного Фонда ; рук. М.Г. Меерович – Иркутск, 2009. – 151 с. – № ГР 08-01-00512а (6,86 п.л.).

49. От идеи города-сада к концепции соцгорода (теоретическая мысль, законодательные основы и организационные формы градостроительной политики в СССР. 1917–1932 гг.) : отчет НИР / Грант Российского Гуманитарного Научного Фонда ; рук. М.Г. Меерович – Иркутск, 2008. – 271 с. – № ГР 08-04-93824а/к (12,3 п.л.).

50. Советский город 1920-1930-х годов: социальное творчество и культурные метаморфозы : отчет о НИР / Грант Российского Гуманитарного Научного Фонда / Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства РААСН ; рук. Ю.Л. Косенкова, исп. М.Г. Меерович – Москва, 2008. – 121 с. – № ГР 06-04-00153-а (авт. – 5,5 п.л.).